

УДК 821.161.1

**НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПОЭМА Н. А. МАРКЕВИЧА
«ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В РАМКАХ АВТОРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ¹**

Курьянов С. О.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: so_k@inbox.ru**

Поэма Н. А. Маркевича «Дмитрий Донской» (1827–1828) важна не столько для понимания путей развития русской литературы первой трети XIX века, сколько для понимания принципов художественного и исторического повествования поэтом и будущим историком Украины.

В своих принципах изображения исторической действительности он во многом следует за авторами эпических поэм. Вместе с тем полностью отказывается от традиционных для русской эпической поэмы вольностей и фантастических элементов в использовании исторического материала, и, поскольку дорожит исторической достоверностью, понятой во многом в романтическом духе, фантастическое объясняет понятными жизненными явлениями.

В работе над поэмой во многом формируются исторические принципы Н. А. Маркевича. Поэт стоит на российских государственных позициях видения исторического процесса. К этой позиции причудливо добавляется явное сочувствие декабристским идеям. Главное для него – сложившаяся традиционность взгляда на исторический процесс.

В предлагаемой статье показана и доказана также зависимость позиции Н. А. Маркевича от использования исторического материала, который он кладёт в основу своих произведений. Так, если в «Украинских мелодиях» отчётливо заметен местный малороссийский (украинский) патриотизм автора, со свойственной ему узостью взгляда на мир, то в «Дмитрии Донском» сама тема произведения выводит поэта на иной уровень: он видит историческую перспективу в общероссийском (то есть в государственном и многонациональном) плане, его патриотизм становится многогранным и многослойным, подчиняясь интересам не отдельной группы людей, но всего многоязычного и многокультурного пространства Русской земли.

Ключевые слова: романтическая поэма, история России, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Н. А. Маркевич, русская литература, принципы художественного изображения.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В первой половине 1840-х годов Н. А. Маркевич, до этого более выступавший как поэт, музыкант, этнограф и фольклорист, опубликовал плод своих научных исторических изысканий – пятитомную «Историю Малороссии». В этом исследовании отчётливо виден малороссийский (украинский) патриотизм автора.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00430.

Причем не просто любовь к родной земле, а именно местный национал-патриотизм, в котором заметны антироссийские настроения – одна из черт украинского политического мировосприятия, берущего своё начало еще в XVII веке.

Характерная для части малороссийской интеллигенции начала XIX века, эта позиция укреплялась благодаря определённым идеологическим ракурсам трактовки документов по истории Украины, которые поэт начал собирать и анализировать с момента возвращения в Малороссию после учебы в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте в Петербурге в 1820 году. Это прочитывается, например, в неопубликованном стихотворении Н. А. Маркевича «В альбом И. В. М.» (1823):

Любитель своего народа,
Отчизны добрый гражданин
В душе Малороссиянин!
<...>
Я ведаю твои желанья:
Отчизны дорогой своей
Ты слышишь тяжкие стенанья
Под игом Варварских цепей?
Дай Бог, чтобы они упали
И притеснителя сковали [см.: 7, л. 43об.].

Это заметно в логике построения поэтического сборника Н. А. Маркевича «Украинские мелодии» (1831) [8]: опубликованные вместе в определенном порядке «мелодии» подводили читателя к характерным для формирующейся украинской интеллигенции идейным выводам о необходимости национально-освободительной борьбы [об этом см., напр.: 5, с. 26–28].

Тем оригинальнее выглядит в контексте творчества поэта исторический и идейный контекст поэмы «Димитрий Донской» [6], тема которой – освобождение Руси от владычества Орды – также могла привлечь Н. А. Маркевича именно идеей

национального освобождения, но раскрытие этой темы подвела поэта совсем к иным выводам.

Поэма создавалась Н. А. Маркевичем в 1827–1828 годах, опубликована не была и внимания литературоведов не удостоивалась, если не считать краткие суждения Е. М. Косачевской о ней, помещенные в её монографии о Н. А. Маркевиче [см.: 3, с. 62–69], а также наши давние заметки о её художественных особенностях [4].

Едва ли ни единственное упоминание о поэме современниками встречаем в письме В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому, где о ней говорится кратко в ряду других сообщений. Акцент на поэме старший поэт не делает, а более ведёт речь о Н. А. Маркевиче как начинающем поэте: «Я недавно познакомился с новыми нашими стихотворцами Н. А. Маркевичем и Языковым. Н. А. Маркевич мне сказывал, что он сочиняет героическую поэму Дмитрий Донской. Он совершенное дитя природы, хороший музыкант, но лицом к ставцу сесть не умеет» [9]. Правда, Е. М. Косачевская с уверенностью утверждала, что Н. А. Маркевич читал поэму А. С. Пушкину, когда в 1829 году находился в Москве и неоднократно у него бывал [см.: 2, с. 66], хотя подлинных свидетельств тому нет.

Если говорить об исторической основе поэмы, то материалом для сочинения Н. А. Маркевичу послужили прежде всего «Сказание о Мамаевом побоище» (в какой именно редакции, сказать затруднительно), «История государства Российского» Н. М. Карамзина и, как это ни странно для будущего историка, трагедия В. А. Озерова «Дмитрий Донской».

Песнь первая поэмы Н. А. Маркевича (всего были написаны три песни) посвящена совету русских князей перед походом к Дону. Много внимания уделено словам каждого, разъяснению платформы, на основе которой происходит объединение русских князей под руководством Димитрия. Собранные под знамя московского князя, русские войска направляются к берегам Дона. Во время привала Димитрию является видение – богиня, именующая себя «Бранной Россией». Она предрекает князю победу и направляет его к Сергию Радонежскому для благословения, а также с тем, чтобы он взял с собой необходимых в грядущем бою Ослябю и Пересвета.

Димитрий с небольшим отрядом соратников направляется в Троицкую обитель. В пути по просьбе Димитрия князь Брянский повествует о нашествии монголо-татар на Русь – рассказ, слышанный им еще в малолетстве от деда. Получив в Троицкой лавре благословение Сергия Радонежского, вместе с благословлёнными на брань Ослябей и Пересветом московский князь со спутниками устремляется вдогонку за ушедшим войском. Об этом вторая песнь.

Без устали мчатся отряд князя, но силам есть предел. И через три бессонные ночи всадники устраивают привал на берегах небольшой реки. Все, сморенные долгой дорогой, тотчас засыпают, но Димитрию не спится. И вот в сиянии озаренной луной реки к нему подплывают прекрасные девы-русалки. Они завораживают князя своими песнями и танцами, манят, зовут за собой. И князь уже начинает забывать то, к чему стремился, уже готов идти за ними. Но с этот момент появляется дивная богиня Бранная Россия, которая и напоминает Димитрию его предназначение, она ведет его за собой в прекрасные чертоги и показывает то, ради чего он и спешит на кровавую встречу с Мамаем, приоткрывает завесу над будущим страны. И видит князь свою могучую Родину, ее победы и свершения, выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей и поэтов – славу России, той России, ради которой падет не одна русская головушка на поле Куликовом, ради которой и ведет свое войско к берегам Дона Димитрий, князь московский. Так заканчивается третья, последняя песнь.

Исторический контекст поэмы «Димитрий Донской» состоит из нескольких временных (исторических) пластов, обусловленных авторским замыслом, реализуемым через сюжетную канву произведения.

Пересказ краткого содержания поэмы красноречиво свидетельствует, что в произведении три временных (исторических) пласта – *настоящее*, совпадающее со временем описываемых событий 1380-го года, *прошлое*, то есть то, что препятствовало свободному развитию Руси и привело к решительным политическим действиям князя Димитрия и сражению на поле Куликовом, и *будущее* – грядущие свершения и победы, грядущее величие России, то есть всё то, что стало возможным благодаря победе русских воинов в Куликовской битве.

Цель данной статьи – опираясь на текст неопубликованной поэмы Н. А. Маркевича «Димитрий Донской» и рассматривая художественные подходы поэта к историческому материалу, уяснить исторические принципы, исторические и идейные взгляды будущего историка Малороссии.

Материалом данной статьи послужил основной исторический событийный ряд – художественное изложение в поэме событий, непосредственно предшествующих Куликовскому сражению, и описание персонажей, участвовавших в этих событиях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной исторический материал поэмы касается времени, непосредственно предшествующего Куликовской битве и ограниченного событиями лета 1380-го года. Из упоминаемых событий этого времени – две битвы: грядущая – на поле Куликовом и недавняя – битва на Воже, впервые после монголо-татарского нашествия вселившая в русских воинов уверенность в то, что они могут побеждать ордынцев:

И с битвой Вожьскою народ от сна восстал.
Там родины врагов, ордынцев и Бигича
Он в бегство обратил. Там славная добыча,
И драгоценные татарские ковры,
И золото, и серебро, и ханские шатры
Упали в руки нам [6, 43 об.]².

Персонажи поэмы, даже те, что просто упоминаются, поделены на безусловных врагов и предателей, с одной стороны, и безусловных сторонников, с другой, причём первых намного меньше, чем вторых, что закономерно, поскольку авторская задача – показать растущую мощь Руси при Дмитрии Донском. Резко антитетичное разделение персонажей можно было бы отнести к признакам классицистической поэтики, заметной в поэме, если бы не явно романтическое оформление событийного

² Далее в тексте статьи ссылки на этот источник даются после цитат в круглых скобках с указанием листа рукописи.

ряда. В такой ситуации враги и предатели несут в себе черты безусловных романтических злодеев, а сторонники и союзники – безусловных героев.

Димитрий Донской – в момент подготовки похода на Мамаю еще просто князь Московский, озабоченный единением русских князей перед лицом грозящей опасности, – является абсолютным положительным героем, который, «подъяв свою десницу, орду мамаеву... мощно колебал» и «врагов... в бегство обратил» (указание на победу в Вожской битве. – л. 43 об.). В своей речи, обращенной к собравшимся на совет князьям, он твёрдо заявляет:

В бездействии влачить всю жизнь свою — позор!

Полков мамаевых обнять не может взор,

А нас одна лишь горсть; но за права народа

Сойдутся ли на бой Тиранство и Свобода, —

Ступай с Свободою! (л. 46–46 об.).

Столь же категоричны соратники Димитрия – Михаил Тверской (поэтический домысел автора, поскольку сведений об участии тверского войска в походе на Мамаю нет) и Дмитрий Суздальский. Фактом своего прихода на княжеский собор их поддерживают Василий и Роман Ярославские, Дмитрий Брянский.

Князь Тверской твёрдо заявляет, что «любил бы месть»,

Но только не тогда, как страждут дом и честь.

В страстях не предпочту Отчества чужбине.

Я, прежний недруг твой, — твой верный друг отныне (л. 45).

Тут заметим, что в знании и понимании исторических событий Н. А. Маркевич ориентируется на своих современников, с упоением читавших «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и поэтому хорошо помнивших о давней вражде за первенство Московского и Тверского княжеств. Напомним, что за пять лет до Куликовской битвы был осуществлен поход Дмитрия Ивановича Московского на

Тверь, в котором участвовали двоюродный брат московского князя Владимир Андреевич Серпуховской, Дмитрий Константинович Суздальский, Святослав Иванович Смоленский, Роман Михайлович Черниговский, Фёдор Романович Белозерский, Иван Юрьевич Тарусский и др. – всего шестнадцать князей со своими войсками. Для предполагаемого читателя поэмы сам факт (пусть и вымышленный) описываемого единения дополнительными художественными средствами подчеркивал насущность объединения князей вокруг Москвы.

«В сей славный день погаснет наша злоба, – говорит князь Суздальский. – Дай руку! Твой до гроба!» (л. 45 об.).

Умудрённого летами Фёдора Белозерского радует единение князей: «О сколь приятно зреть, приближась к краю гроба, / ... что между нами злоба / И пагубный раздор погасли наконец», – и именно его, многоопытного, посещает сомнение («Полки несметные ведет на нас Мамай, / А нас одна лишь горсть...»). Но после слов Димитрия: «Ты всех нас опытней, но не уверишь в том, / Что сладко дань платить и век свой быть рабом», – он также соглашается с московским князем: «Рабами полно быть! Судьба на нас видна! / Свобода или смерть!» (см.: 45 об. – 46, 47 об.).

Московский князь напрямую обращается к народу с речью, объясняя свою гражданскую позицию и призывая сплотиться перед лицом приближающейся опасности:

Должна свой временный загладить стыд Россия,
И заковав врагов обломками цепей,
Остановить шаги близ моря и степей.
Доселе были мы ярем влачить достойны:
Губительный раздор, междоусобны войны,
Неугасимая к соотчичам вражда,
В оковы ввергнув нас, терзали иногда.
<...>
А ныне, граждане, когда одной душой
Вступаем с жадностью за Родину мы в бой.

Когда мы в жертву ей богатство, жизнь приносим,

Мы снова русские! Мы бремя рабства сбросим;

<...>

Теперь изведает татар надменный хан,

Надолго ль русский край унижен и попран!

Грозь как царь царей подъять свою десницу,

Своих посланников он шлет ко мне в столицу

И предлагает жизнь за золото мне в дар;

Я не приму ее под властью татар!

Я знаю власть одну: любовь мою к народу.

Да будет слава нам! На смерть иль на свободу! (л. 48 об. – 49).

И на вопрос князя: «И кто со мной?», – народ отвечает: «Мы все!» (л. 49).

Исключительность натуры князя, героичность фигуры подчеркивается описанием его внешности, его движений в тот момент, когда он ведёт за собою войско, выступая в поход навстречу Мамаю. Димитрий – «первоначальник славы, / Кто знал по опыту кровавые забавы, / Кто счастье испытал среди боевых тревог, / Кому покорно все, кто пред князьями бог», он «вождь побед», его взор «один повелевал вождями», его «пронзительные очи, / Как небо темное прекрасной, летней ночи», он «голосом гремел, как звонкою трубой». Всё это дополняется описанием лат, в которые одет был князь, и его оружия, из которого особое внимание привлекает выдавший ни одно сражение щит: «Рукою мощною татарина разбит, / Как небосклона шар, стоял пред грудью щит» (л. 52 об. – 53).

Описывая движение объединённой русской рати, Н. А. Маркевич перечисляет князей, воевод и ратников, известных по летописным памятникам, давая им краткие характеристики, создающие необходимую наглядность изображений.

Первым за Димитрием со своим войском шел удельный князь тарусский Мстислав («За ним, по манию властительной руки, / Стремилась из ворот обширные полки»), затем князь Иван Холмский («Его отличная видна была порода»), за ним князь Даниил Пронский («татаров бич на Воже»), после – князь Андрей Брянский

(«Ольгерда храбрый сын»), потом князь Владимир Московский, полки которого вели три князя – Муромский, Мелецкий и Мещерской (все – «с душою пылкой, дерзкой»), девятым шел «бесстрашный князь Тверской», десятым старейший из князей – князь Белозерский («В боях он опытным советником всегда») и т.п. (см. лл. 50 об. – 52 об.).

Здесь и воевода Тимофей Васильевич Волуй-Окатыев, «сразивший на полях бегичевых двух братьев», и ратники: Пётр Горский – «как дуб среди кустов возвысился главою», «и мощный ратник Чинин» – исторический Фома Тынин,

Там Прозоровский был, за ним Холопьев шел;
На дело громкое назначенным судьбою,
Им должно некогда прославиться средь бою (л. 51).

Первый – потомок великих князей ярославских Роман Прозоровский, второй – Григорий Холопищев, который, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», вместе с Петром Сабуровым отыскал после Куликовского сражения раненого великого князя московского Дмитрия.

Отдельно следует сказать о детальном описании купцов, которые сопровождали войско и обеспечивали воинов всем необходимым в походе. Летопись говорит о десяти купцах. Они перечислены в «Сказании о Мамаевом побоище», но у Н. А. Маркевича охарактеризованы лишь пятеро. Поскольку в исторических и литературных памятниках об особенностях их торговли ничего не говорится, описание торговых людей и их товаров следует считать поэтическим домыслом Н. А. Маркевича.

«Там Весяков (Тимофей Весяков. – С. К.) имел доспехи боевые, – пишет поэт, – ... И продавал князьям на вес серебра булат...»; «Там в подвижном шатре Елферьева (Сидора Олферьева. – С. К.) богатом... / Являлися меха бобров и соболей...»; «Там Саларев (Дмитрий Саларев. – С. К.) имел из Индии мускат, / Душистый кардамон, и манну, и гранат...»; «Косьма (Кузьма Кувыря. – С. К.) с собой имел... / Бериллы с берегов сверкающей Анноны, / Туманно-синие аргунски халкедоны, / Горящий изумруд, пылающий алмаз... / И чаши звонкие с чудесною резьбою; / Их

виноградною кипящею струёю / Гость иноземный Ших (Иван Ших. – С. К.) до краю наполнял...» (см.: л. 51 об. – 52).

Особое место занимает в поэме характеристика преподобного Сергия Радонежского, к которому за благословением направляется князь Димитрий вместе с приближёнными военачальниками:

...и с трепетом невольным

Тогда пустытника встречает властелин,
Брада его до чресл, чело в лучах седин,
Воздеты светлые на небо к Богу очи... (л. 15).

Святой Сергий называет день встречи с Димитрием «тожественным», поскольку князь «к брани ополчился». А узнав, что вождю являлось видение – Бранная Россия и велело не просто явиться за благословением в Троицкую обитель, но и просить преподобного Сергия отпустить в поход на Мамая Ослябю и Пересвета, святитель говорит о видении: «Сам Бог его послал, я знаю, князь князей!»

Бывшим воинам, а ныне инокам Пересвету и Ослябе, благословляя их на битву, преподобный Сергий говорит:

Пока земной ты житель,

Полетом дерзостным в надзвездную обитель
Стремясь предерзостно, не забывай людей:
Жить телом и душой — вот жребий жизни сей.
Какая лучшая к Всевышнему молитва?
От юноши — за жен и за Отчизну битва;
От князя — счастье дать народу и стране;
От мужа — верная по гроб любовь к жене;
Любить детей своих — вот долг для семьянина;
Любить отца и мать — для дочери, для сына;
Счастливить слуг своих — молитва для господ;

А пахарю — орать прилежно огород.
Когда по Родине нам должно править тризну,
Когда, свирепствуя, гроза идет в Отчизну,
Тому быть иноком, кто в силах, в цвете лет?
Его отвергнет Бог, и проклят тот обет! (лл. 15–16)

В описаниях иноков особо необходимо указать следующее. У Пересвета, несмотря на то, что «ланиты впалые», «лице как будто бы прискорбно и уныло», глаза светились «бывалой пылкостью и силою страстей», то есть всё говорило о том, что в бою он смиренным не будет и выполнит свой долг до конца. В Ослябе «тяжкий пост, молитва / И ночи целые без сна, и с сердцем битва / Всё изменили...» (см. л. 15 об.). Но когда их позовет князь, «одежду власяную / Развесят иноки по стенам в келье... / И станут средь полков, и будет славный бой!» (л. 8).

Из отрицательных персонажей – исторических личностей, в той или иной мере действующих в поэме, закономерно первым следует назвать Мамай (традиционно именуемого в поэме ханом, хотя, не будучи Чингизидом, он ханом быть не мог) – до 1359 года беклярбека и темника Золотой Орды при хане Бердибеке, а затем, в период «великой замятни» (1361–1380) фактического правителя западной части монголо-татарского государства (так называемая Мамаева орда) при марионеточных ханах из династии Батуидов. Мамай, не будучи собственно действующим персонажем, а скорее символом власти Орды над Русью и своеобразным демоном зла для русского войска и русских князей, воспринимается читателем через своего посланника Казимбу – персонажа вымышленного, в котором сконцентрировано главное качество летописных татар – высокомерие, подкреплённое уверенностью в безнаказанности. Именно Казимбу выслушивает Дмитрий в присутствии русских князей. Когда Дмитрий отказывается смириться с положением Руси, посланник, называя князя рабом, категорично заявляет:

Коль так, надменный раб, не мысли о пощаде!
Ты здесь проведешь, как будет в вашем аде.

Я, ханским именем, того из всех князей
Прощаю, кто в Орду с главой придет твоей.
Тот будет всей страны твоей отсель владыка;
Тебя же цепи ждут, и казнь твоя велика! (л. 47 об.)

Казимбу вместе со свитой изгоняют из княжеских палат, несмотря на то, что посланник сулит всяческие блага в случае покорности князей Мамаю и грозит в противном случае нашествием на Русь войск девяти орд, составляющих в совокупности Мамаеву орду.

В истории Русского государства как сложная и неоднозначная фигура рассматривается великий князь Рязанский Олег, на протяжении всего своего правления имевший сложные отношения с Москвой. В 1370 году Олег Рязанский собирал войска в помощь осажденной Ольгердом Москве, в 1378 году рязанские войска как союзники Москвы приняли участие в битве на Воже, в 1381 году рязанский князь признал себя «младшим братом» и заключил с Дмитрием Донским антиордынский договор – всё это говорит о его стремлениях к единению с другими русскими князьями перед лицом общей опасности. Однако в то же время он в 1371 году поссорился с Дмитрием Ивановичем Московским и вступил с ним в военный конфликт, закончившийся поражением рязанского войска. После сражения на Воже Рязань была в очередной раз в отместку разорена ордынцами, что не могло не повлиять на московско-рязанские отношения. В 1380 году Олег, видимо, опасаясь очередного разорения его земли монголо-татарами, вступил в переговоры с Мамаем и Ягайло против Дмитрия, что традиционно рассматривается как измена. А в 1382 году, воспользовавшись ослаблением Москвы после нашествия Тохтамыша, рязанское войско захватило Коломну, и только вмешательство Сергия Радонежского предотвратило очередную междоусобную войну. Всё это вовсе не говорит о дружественных отношениях между Рязанью и Москвой. В то же время часть историков рассматривают действия рязанского князя в 1380 году перед Куликовской битвой как дипломатическую игру с целью уберечь свои владения от повторных разорений, склонить Дмитрия к сражению с войсками Мамаея за пределами Рязанской

земли. Некоторые говорят даже о намеренном стремлении Олега ввести в заблуждение Мамаю и Ягайла [см., напр.: 1, с. 143–202], объясняя это тем, что, поскольку, по свидетельству «Задонщины», на Куликовом поле погибли семьдесят рязанских бояр, можно думать, что рязанцы принимали деятельное участие в общерусской борьбе с ордынцами.

Н. А. Маркевич придерживается традиционной точки зрения, опиравшейся на акценты московских летописей. В его поэме Олег Рязанский – однозначно предатель, поскольку властолюбец и стяжатель, к тому же с рабской психологией:

Один Олег Рязанский,

Отчизну позабыв, питая к злату страсть,
От властолюбия решаешь пред ханом пасть,
Как клейменный раб, бесчестный и позорный,
И за упруг земли врагам своим покорный,
Отпав от родины, в Совет сей не пришел (л. 44 об.).

Димитрий называет рязанского князя «неистовым», утверждая, что своими действиями Олег «себя ж бесславит» (л. 49).

Посланник Мамаю Казимба в своей речи, обращенной к Димитрию, называет еще двух персонажей – Темира и Чалубея, которые в поэме Н. А. Маркевича не действуют, но являются значимыми, поскольку имеют отношение к предшествовавшему Куликовскому сражению будущему поединку Пересвета с ордынским богатырём. Запугивая русских князей, Казимба утверждает, что грудь богатырей, «как тверды стены», «их рост – столетний кедр», что движутся они, «как страшные громады», что русские «щиты расплавят... их огненные взгляды».

Особенность этих персонажей в том, что несмотря на явное стремление к точности в описании событий, которой пытается добиться поэт, ему не всегда удаётся исторически верно воссоздать события и лица. В данном случае изображение также далеко от правдоподобия, поскольку опирается Н. А. Маркевич на разные исторические источники и, видимо, путается в них. Свидетельством тому данные

персонажи, имена которых на самом деле обозначают одного полуисторического-полулегендарного человека. Ордынский богатырь, вступивший в схватку с Пересветом, в разных источниках именуется по-разному (это-то и даёт повод исследователям сомневаться в его исторической подлинности). Чалабай, Челибей, а также Темир-Мирза, Таврул – всё это один человек, татарский богатырь, соперник Пересвета. Имя «Челубей» закрепилось в лубочной литературе XVIII–XIX веков, а оттуда перешло в русскую художественную литературу.

Вообще в изображении эпохи Куликовской битвы Н. А. Маркевич допускает заметное количество ошибок, которые, впрочем, могут быть отнесены к поэтическим вольностям, поскольку создаёт поэт художественное произведение.

Так, не только исключительно художественный вымысел, но и перепевы иного литературного произведения встречаем в едва прописанной линии любви князя Брянского:

Пленный Ксении небесной красотой,
О ней задумавшись, грустил он, тосковал,
И слезы изредка на панцирь свой ронял;
Пустив коня, узду он выронил из длани;
Ни меч, ни светлый щит, ни час веселый брани
Не утешал его. Княжной не он любим,
И дышит, и живет красавица Тверским (л. 52 об.).

Эта едва намеченная автором побочная сюжетная линия будет закреплена во второй песне поэмы (см.: л. 10).

Ксения – вымышленный персонаж, не имеющий исторического прототипа. Она – героиня трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1807). По трагедии Озерова, Ксения, новгородская княжна, отвечает взаимностью Дмитрию Донскому, но обещана князю Тверскому. У Н. А. Маркевича взаимное чувство у Ксении с Тверским, а страдает от своей любви к Ксении Брянский:

Но если история с новгородской княжной используется поэтом для создания широкого художественного эпического полотна, то изображение святителя Игнатия («Тогда священство вел святитель наш Игнатий»; л. 52) как участника похода Дмитрия Донского можно отнести только к ошибке поэта. Святой чудотворец ростовский Игнатий был епископом при князе Дмитрие, но Дмитрие Александровиче, великом князе Владимирском, сыне Александра Невского, жил в конце XIII века и сопутствовать войскам Дмитрия Донского не мог.

ВЫВОДЫ

Неопубликованная поэма Н. А. Маркевича «Дмитрий Донской» важна не столько для понимания путей развития русской литературы первой трети XIX века, поскольку опубликована она не была и поэтому собственно фактом литературной жизни стать не могла, сколько для понимания художественных и исторических принципов Н. А. Маркевича – поэта и будущего историка Украины.

В своих художественных исканиях поэт, опираясь на исторический материал, старается быть по возможности документально точным. Он лишь художнически расцвечивает факты, создавая диалоги и монологи известных ему по историческим документам персонажей. И делает это экспрессивно, придавая героям необходимую в художественном произведении «выпуклость» (как в случае с изображением Дмитрия и его речами), а то и определённые психологические колебания (как в поведении и речах князя Белозерского в первой песне поэмы). Когда не хватает исторических фактов, поэт прибегает к созданию персонажей вымышленных (посланник Мамай Казимба). А для придания сухому изложению живости и интриги домысливает ситуации, опираясь отчасти на известный литературный материал (как в случае с любовью князя Брянского к новгородской княжне Ксении).

В своих принципах изображения исторической действительности он во многом следует за авторами эпических поэм, прежде всего за М. М. Херасковым. Это заметно по использованию ритмического рисунка стиха, следованию традиции зачина произведения: изложение главной темы, обращение к Музе... Но полностью отказывается от традиционных для русской эпической поэмы вольностей и

фантастических элементов в использовании исторического материала (как это было у Хераскова и в «Россиаде», и во «Владимире Возрожденном»), и фантастическое (например, видения Дмитрия в первой и третьей песни) объясняет вполне жизненными явлениями, в данном случае – сном.

Таким образом, в Н. А. Маркевиче-художнике прежде всего заметен будущий историк. И работа над поэмой «Дмитрий Донской» во многом его исторические принципы формирует.

Во-первых, поэт однозначно стоит на российских государственных позициях видения исторического процесса. К этой позиции причудливо добавляется явное сочувствие декабристским идеям. Поэтому борцы за освобождение Руси от иноземного ига – несомненные герои, тогда как их противники – несомненные злодеи. Здесь нет места авторским метаниям и сомнениям. Главное – сложившаяся традиционность взгляда.

Во-вторых, идейная позиция поэта была двойственной и зависела от того исторического материала, с которым Н. А. Маркевич в тот момент работал. Так, если рассматривать разные произведения Н. А. Маркевича 1820-х – начала 1830-х годов, можно заметить, что, когда это материал, имеющий непосредственное отношение к Украине-Малороссии (например, поэтический сборник «Украинские мелодии»), поэт становится на позиции местного малороссийского патриотизма и с этих позиций, заметно суживая взгляд, смотрит на Украину, на Россию, на мир. Когда же в «Дмитрии Донском» он видит историческую перспективу в общероссийском (то есть в государственных и многонациональном) плане, его патриотизм становится многогранным и многослойным, подчиняясь интересам не отдельной группы людей, но всего многоязычного и многокультурного пространства Русской земли: «Различна вера их, и нравы, и язык, / Но всем им мать одна – священная Россия...» (л. 113).

То есть сам исторический материал поэмы «Дмитрий Донской» определённым образом «корректировал» и художническую, и научно-историческую, и идейную позицию автора.

Список литературы

1. Греков, И. Б. Мир истории: русские земли в XIII–XV веках / И. Б. Греков, Ф. Ф. Шахмагонов. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 333 с.
2. Косачевская, Е. М. «Песнь из Дмитрия Донского» Н. А. Маркевича / Е. М. Косачевская // Советские архивы. – 1980. – № 5. – С. 65–66.
3. Косачевская, Е. М. Н. А. Маркевич, 1804–1860 / Е. М. Косачевская. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 284 с.
4. Курьянов, С. О. Николай Маркевич и его поэма «Димитрий Донской» (К 200-летию со дня рождения поэта и историка Украины) / С. О. Курьянов // *Studia philologica*, Симферополь. – 2004. – № 1. – С. 98–107.
5. Курьянов, С. О. Роль «Украинских мелодий» Н. А. Маркевича в формировании украинского текста в русской литературе / С. О. Курьянов // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. – 2018. – Том 4 (70). № 3. – С. 14–35.
6. Маркевич, Н. А. Димитрий Донской. Поэма / Н. А. Маркевич // *Опыты в стихах и прозе*: Кн. II: 1828. – РО ИРЛИ, ф. 488, оп. 1, д. 4. – Л. 5–17, 43–54, 109–120 об.
7. Маркевич, Н. А. Сочинения в стихах: Переводы из Парни и др.: 1823 / Н. А. Маркевич. – РО ИРЛИ, ф. 488, оп. 1, д. 2.
8. Маркевич, Н. А. Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича / Н. А. Маркевич. – М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-хирургической академии, 1831. – XXX, 154, [4] с.
9. Пушкин, В. Л. Письмо Вяземскому П. А., 11 июня 1829 г., Москва [Электронный ресурс] / В. Л. Пушкин // *Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому*. – Режим доступа: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/memuary/pisma-v-l-pushkina-vyazemskomu-4.htm> (дата обращения: 01.09.2019).

Reference

1. Grekov, I. B. *Mir Istorii: Russkiye Zemli v XIII–XV Vekakh* [World of History: Russian lands in the 13th–15th centuries]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1988, 333 p.

2. Kosachevskaya, Ye. M. *Pesn iz Dmitriya Donskogo N. A. Markevicha* [Song of Dmitry Donskoy by N. A. Markevich]. Sovetskiye arkhivy, 1980, Pp. 65–66.
3. Kosachevskaya, Ye. M. *N. A. Markevich, 1804–1860* [N.A. Markevich, 1804-1860]. Leningrad: LGU Publ., 1987, 284 p.
4. Kuryanov, S. O. *Nikolay Markevich i Yego Poema Dimitriy Donskoy (K 200-Letiyu so Dnya Rozhdeniya Poeta i Istorika Ukrainy)* [Nikolay Markevich and his Poem *Dimitri Donskoy* (On the 200th Anniversary of the Poet and Historian of Ukraine)]. Simferopol: Studia philologica, 2004. Pp. 98–107.
5. Kuryanov, S. O. *Rol Ukrainskikh Melodiy N. A. Markevicha v Formirovanii Ukrainskogo Teksta v Russkoy Literature* [The Role of *Ukrainian Melodies* by N. A. Markevich in the Formation of the Ukrainian Text in Russian Literature]. Filologicheskiye nauki, 2018. Pp. 14–35.
6. Markevich, N. A. *Dimitriy Donskoy. Poema* [Dimitri Donskoy. Poem]. RO IRLI Publ.
7. Markevich, N. A. *Sochineniya v Stikhakh: Perevody iz Parni i dr.: 1823* [Compositions in Verses: Translations from Parny and Others: 1823]. RO IRLI Publ.
8. Markevich, N. A. *Ukrainskiye Melodii. Soch. Nik. Markevicha* [Ukrainian Melodies. Op. Nick. Markevich]. Moscow: V tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoy Med.-khirurgicheskoy akademii, 1831.
9. Pushkin, V. L. *Pismo Vyazemskomu P. A., 11 Iyunya 1829 g., Moskva* [Letter to Vyazemsky P. A., June 11, 1829, Moscow] Available at: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/memuary/pisma-v-1-pushkina-vyazemskomu-4.htm> (accessed 1 September 2019).

UNPUBLISHED POEM BY N. A. MARKEVICH *DIMITRI DONSKOY*:

ARTISTIC UNDERSTANDING OF HISTORY

IN THE FRAMEWORK OF THE AUTHOR'S IDEOLOGY

Kuryanov S. O.

The poem *Dimitry Donskoy* (1827–1828) by N. A. Markevich is important not so much for understanding the ways of developing of Russian literature in the first third of the 19th century, but for understanding the principles of the artistic and historical narrative of the poet and the future historian of Ukraine.

In his principles of describing the historical reality, he largely follows the Russian authors of epic poems. At the same time, the author completely rejects the traditional for the Russian epic poem of liberties and fantastic elements in the use of historical material, and, since he values the historical authenticity, understood in many ways in the romantic spirit, he explains the fantastic through the understandable life phenomena.

Through the work at the poem, historical principles of N. A. Markevich are largely formed. The poet stands on the Russian statehood positions of a vision of historical process. The sympathy for the ideas of the Decembrists is quaintly added to this position. The main thing for the author is the traditional view of the historical process. The proposed article also shows and proves the dependence of the position of N. A. Markevich from the use of historical material his works are based on. Thus, if in the *Ukrainian Melodies* the local Little Russian (Ukrainian) patriotism of the author with his narrow view of the world, is clearly noticeable, in the *Dimitry Donskoy* the very theme of the work puts the poet at a different level: he sees the historical perspective in the all-Russian (statist and multinational) plan, author's patriotism becomes more many-sided and multilayered, following the interests not of a separate group of people but of the multilingual and multicultural space of the Russian land.

Keywords: Romantic poem, history of Russia, the Kulikovo Battle, Dmitry Donskoy, N. A. Markevich, Russian literature, principles of artistic description.